Правда, перспектива сразиться с Королем Завоевателей пугала, а Гае Дирг, которым владел Первое Копье Фианны, без сомнения, был его естественным врагом, но для Кастера такие вещи не имели значения, да и вообще ничто в этом мире не имело значения, потому что ему больше не нужно было сражаться с другими Слугами.

Да и зачем? В конце концов, разве Грааль уже не исполнил его желание?

Не обращая внимания на Рюноскэ, возбужденно выбегавшего из тени, Кастер продолжал неотрывно смотреть в свой хрустальный шар, его большие, луковицеобразные глаза вбирали в себя все черты бронированной девы-воина, призванной в класс Сэйбер. Лунный свет сиял на серебряных доспехах, украшавших ее платье, прекрасные светлые волосы обрамляли лицо с двумя изумрудными глазами.

Но не Сэйбер привлекла внимание Кастера, или, возможно, лучше было бы сказать, что не только величественное присутствие Рыцаря Меча привлекло его внимание. Нет, его внимание привлекла одна сцена - сцена, в которой дева-воин была поставлена на колени перед Арчером в маске.

"Как он смеет...!" - зашипел он, стиснув зубы так крепко, что, не будь он Слугой, они бы наверняка треснули, а пальцы его согнулись в ужасные когти, когда он в гневе смотрел на сцену. "Как он смеет заставлять Ла Пусель преклонять перед ним колени!"

"Ла Пусель?" удивился Рюноскэ, вскинув бровь на иностранный термин, и перевел взгляд на кристалл, изображавший стоящую на коленях Сэбер. "Вы знаете ее, мастер Синяя Борода?"

"Как я могу не знать!" промурлыкал Кастер, его гнев перешел в почти безумное поклонение: "Это величественное выражение, эта божественная фигура, воистину, она - мой путеводный свет". Несмотря на свою веру, она была оставлена Богом и погибла от стыда, - он широко раскинул руки в радости, - Но теперь она возродилась! Что может быть чудом такого масштаба, как не исполнение моих желаний!"

"Не совсем понимаю, о чем вы, но рад за вас, мастер!" предложил Рюноскэ, счастливый видеть своего благодетеля таким счастливым после всего, что они сделали вместе. "Но если это такое великое событие, почему ты так зол?"

"ПОЧЕМУ!" прорычал Кастер, его ярость вернулась в десятикратном размере, когда он указал на сферу, где стояла маска Арчера. "Этот плут в маске смеет выставлять ее перед собой! Как будто она какая-то обычная девка, которую нужно топтать ногами, а не Святая Дева, избранная самим Богом!"

"Вот это да... ну и козел..." пробормотал Рюноскэ, не совсем понимая, и только наморщил лоб, когда Сэйбер набросилась на Арчера с мечом: "А, похоже, она притворялась".

"Да!" Кастер ликовал, сжимая кристалл обеими руками, прижимаясь лбом к его ледяной

поверхности, его бешеные глаза смотрели, как Сэйбер отталкивает Арчера, только его глаза вылезли из глазниц, когда он стал свидетелем кульминации их противостояния.

"Какая глупость!" - ругнулся он, и плевок украсил кристалл, заслонив смущенный взгляд Сэйбер, когда Арчер, избежав ее гнева, осмелился поцеловать ее руку, прежде чем уйти. "Как он посмел взять на себя такую вольность!" - ругнулся он, повернулся на пятках и пошел в темноту. "Не волнуйся, Жанна! Твой верный Жиль де Раис скоро будет с тобой!"

***

Кария ругался, пытаясь поднять крышку люка - задача, которая и сама по себе была отнюдь не легкой, но в сочетании с состоянием его тела была сродни легендарным двенадцати заданиям Геракла, и изможденный Мату боролся с ней, казалось, целый час, прежде чем ему наконец удалось сдвинуть крышку в сторону, Он насладился вкусом свежего воздуха, хлынувшего в затхлую канализацию снизу, а затем, используя все оставшиеся силы, отодвинул крышку и, словно червяк, выполз из открытого отверстия, после чего в изнеможении рухнул на улицу.

Обычно это был бы билет в один конец в морг, так как даже в спокойный день середина дороги не была местом для дремоты, но в этот поздний вечер улицы Фуюки были пустынны, что вполне устраивало Карию, так как он не хотел, чтобы кто-нибудь увидел его в таком состоянии. С одной стороны, учитывая его везение в последнее время, они наверняка попытаются ограбить его, прежде чем вызовут скорую помощь.

"Не то чтобы они много получили...", - насмехался он, его смешки быстро перешли в грубое кряхтение, когда его избитое, полумертвое тело высказало все свои претензии. Свет от ближайшего фонаря осветил лужу, позволив ему хорошо рассмотреть свое лицо. То, что от него осталось.

"Вот что я получил за то, что решил отказаться от пути мага", - пробормотал он, чувствуя, как черви Гребня Зоукена дергаются под его плотью, а вены на его разрушенном лице вздуваются в ответ. "Если бы я знал, что это случится, я бы никогда не позволил Аой выйти замуж за Токиоми...

До года назад день, когда Кария отвернулся от своей семьи, был самым ярким событием в его жизни. Правда, ему пришлось стоять в стороне и наблюдать, как его друг детства женится на Тосаке Токиоми, но это почти стоило того, чтобы знать, что она в безопасности от его семьи, которая с его уходом была обречена на вымирание как Маги.

Оглядываясь назад, он действительно не должен был недооценивать своенравие Матоу Цукена, старого монстра, который маскировался под главу семьи Матоу с самого основания Войн Святого Грааля.

Зная, что Токиоми, как "традиционный" маг, выберет только одну дочь, чтобы унаследовать магию Тосака, Дзукен выступил вперед, предлагая медовые слова о том, чтобы сделать "запасного" наследником рода Матоу, гарантируя тем самым, что обе дочери Токиоми

останутся магами.

Для такого человека, как Токиоми, не знавшего истинной природы чудовища, а только знавшего его как единственного выжившего основателя ритуала, который их семьи разработали почти два века назад, такое предложение должно было показаться просто находкой, и поэтому за год до начала Четвертой войны Святого Грааля Сакура Тосака стала Матоу Сакурой, а Дзукен почти сразу же начал ее "обучение".

Разгневанный тем горем, которое действия Токиоми причинили Аой, и опасаясь за безопасность Сакуры, Кария вернулся в свой родовой дом и предложил Дзукену сделку: в обмен на победу в предстоящей войне Грааля Сакуре будет позволено вернуться к своей семье.

Хотя Зукен поначалу не верил в его способность сделать это, и вполне справедливо, поскольку Кария не занимался своим ремеслом ни разу с тех пор, как покинул свой дом, он принял предложение Карии, несомненно, заинтригованный явным отсутствием заботы сына о собственной жизни, особенно учитывая лечение, которое Кария должен был пройти, чтобы стать достаточно сильным, чтобы поддерживать Слугу.

Даже сейчас он чувствовал, как Черви Креста пожирают его плоть и кости, преобразуя их в прану, значительно расширяя его почти атрофированные магические цепи. К тому времени, как он окреп настолько, что даже попытался провести ритуал вызова, его волосы стали белыми, а вся левая сторона тела была парализована, наряду с бесчисленными другими осложнениями, о которых он не имел права даже пытаться догадываться.

И это только результат имплантации червей в его тело. В сочетании с мучениями, связанными с тем, что он стал хозяином Берсеркера, а Зоукен заставил его специально призвать безумного слугу, когда пришло время, было просто чудом, что Кария вообще остался в сознании.

Хотя Берсеркер, безусловно, был одним из самых сильных Слуг, о чем свидетельствовало то, как легко он давил на Сэйбер во время их короткого обмена, попытка управлять Черным Рыцарем была сродни попытке сдержать бешеного медведя с помощью веревки.

Даже с командными печатями не было никакой гарантии, что Берсеркер не обратится против него, если он переступит черту, а Кария не собирался тратить те немногие ресурсы, которые у него были, так что в итоге все, что он мог сделать, это позволить безумному Слуге делать все, что ему заблагорассудится, пока он пытался убрать других мастеров из тени.

http://tl.rulate.ru/book/67787/1992358